

М. В. Ефимов

К БИОГРАФИИ А. Ф. МЕЙЕНДОРФА

Жизнь и деятельность барона Александра Феликсовича Мейендорфа (1869–1964), крупного политического и общественного деятеля, уже привлекала к себе внимание исследователей¹. Вместе с тем полная биография этого замечательного человека еще не написана. Проживший без малого сто лет, Мейендорф был участником и свидетелем судьбоносных событий российской и европейской истории первой половины XX в.²

Личность Мейендорфа, остзейского немца из древнего и знаменитого рода, вписана в контекст национальных историй: судьба балтийских немцев и немцев в Российской империи были предметом многолетней заботы Мейендорфа — в качестве и одного из руководителей Государственной думы, и одного из руководителей партии октябристов, и лифляндского ландрата³. Он был заметной фигурой в политике Лифляндии и Эстляндии до 1917–1918 гг. В 1910 г., будучи одним из руководителей Третьей Государственной думы, Мейендорф решительно выступал против законопроекта, ограничивавшего права Финляндии⁴. Для исследователей истории имения Монрепо и его владельцев фигура Мейендорфа также представляет особый интерес. В настоящей заметке мы хотели бы сфокусировать внимание на некоторых деталях биографии А. Ф. Мейендорфа эмигрантского периода.

В 1919 г. Мейендорф оказался в Англии. Лондонский еженедельник «The Russian Outlook» тогда же сообщал о том, как чета Мейендорфов «была спасена английскими военными в Риге, в тот день, когда Ригу взяли большевики»⁵. Мейендорф принимал активное участие в деятельности русской колонии в Лондоне; наряду с М. И. Ростовцевым и В. Д. Набоковым он входил в состав Временного комитета Русско-Британского Братства; был секретарем Комитета по образованию Братства (председателем Комитета был П. Г. Виноградов).

В июле — сентябре 1919 г. Мейендорф принимал участие в чтении лекций на английском языке о русской экономике. В 1921—1922 гг. Мейендорф состоял членом Российского Общественного Комитета помощи голодающим России⁶.

В своей деятельности Мейендорф постоянно соприкасался с директором лондонской Школы славяноведения сэром Бернардом Пэйрсом (Bernard Pares). Знакомство Мейендорфа с Пэйрсом относится еще к дореволюционному периоду: в 1909 г. Пэйрс, «который принял тогда от сэра Дональда МакКензи Уоллеса своего рода эстафету лучшего британского эксперта по России, в своих усилиях организовать визит русской парламентской делегации в Англию <...> назвал имя Мейендорфа, “поскольку никто в Англии не смог бы создать лучшего представления об уровне русской парламентской жизни”⁷.

Весной 1919 г. П.Г. Виноградов помог Мейендорфу получить место ассистента у Б. Пэйрса в Лондонской Школе славяноведения (School of Slavonic Studies), где Мейендорф читал курс русского законодательства (Russian Laws and Institutions). Весной 1920 г. лондонский Кингс Колледж (King’s College) предложил ему временное место преподавателя русского языка для британских офицеров, предполагавшихся к отправке в Россию⁸. С 1922 по 1934 гг. Мейендорф преподавал в Лондонской Школе экономики (London School of Economics), где читал курс по экономике России (Russian Institutions and Economics).

Преподавание в Лондоне свело Мейендорфа, среди прочего, с одной их крупнейших фигур в истории русской эмиграции — князем Дмитрием Петровичем Святополк-Мирским (1890—1939)⁹. Сохранились датированные 1922—1923 гг. и 1925 г. коллективные фотографии преподавателей Школы славяноведения Кингс Колледжа, где Мейендорф сфотографирован в обществе Мирского (а также Б. Пэйрса, Х. Уильямса и др.)¹⁰. Имя Мейендорфа появляется и в опубликованной Дж. Смитом переписке Мирского с историком М.Т. Флоринским, бывшим секретарем П.Г. Виноградова¹¹.

В 1926 г. Мейендорф подал ходатайство о получении гражданства Латвийской республики, которое в мае 1927 г. и было ему пожаловано¹²; «[в] официальной анкете он охарактеризовал свою национальность (race) как “российский немец”, в графе “Знание языков” он указал помимо русского, немецкого, французского и английского (в таком порядке) также латышский»¹³.

Исследовательская и преподавательская работа Мейендорфа нашла отражение в ряде его важных публикаций. В изданном в 1925 г. в Праге «Сборнике статей, посвященных П.Б. Струве. Ко дню 35-летия его научно-публицистической деятельности» Мейендорф опубликовал работу «Англичане XVII и XVIII столетий о русских и России». В 1929 г. в Нью-Йорке вышла книга Мейендорфа «Предпосылки русской революции»¹⁴, основанная на цикле лекций, прочитанных им в США, а в 1932 г. — в соавторстве со С. Коном — исследование о России в Первой мировой войне¹⁵. В 1930 г. Мейендорф стал товарищем председателя Англо-русского общества, созданного по инициативе Е. Саблина (председателем стал Б. Пэйрс)¹⁶.

В 1930 г. Дарэмский университет (Durham University) присвоил Мейендорфу¹⁷ звание почетного доктора (honorary DCL degree). В журнале Дарэмского университета было опубликовано следующее сообщение: «Профессор Дж.Х. Хау сказал: “Барон Александр Мейендорф, выдающийся деятель дореволюционной России, видный юрист и экономист, историк, делавший историю. Он был воспитан для государственной службы в почтенной традиции своего рода. Никто не работал больше него для дела упорядоченных реформ. Благодаря своему влиянию и своим книгам он много сделал для изучения права и одно время служил инспектором Императорского Училища правоведения. Представляя свою губернию, Ливонию, он стал вице-председателем Думы и русским сенатором. Он был членом Учредительного собрания. Во время европейской войны он работал на фронте вместе с англо-русским Красным Крестом. После так называемой Октябрьской революции он и его жена спаслись на английском военном корабле. Он переехал в Англию, и Лондонский университет удостоился чести, назначив Мейендорфа лектором. Также Мейендорф является ценным сотрудником Лондонской школы экономики. Прочитанные им в Америке лекции “Происхождение русской революции” и комментарии к дипломатической переписке барона де Сталья, посла в Англии, недавно принесли ему заслуженную похвалу. Ныне Мейендорф занят важными исследованиями в области социальной и экономической истории. Титул барона Мейендорфа сегодня — это титул, носимый по обычаю, а не по закону. Став гражданином Латвийской республики, где расположено его бывшее имение, он отказался от наследственных прав. Но ничто не может лишить его неотъемлемого звания, связанного с благородным характером и благородным делом»¹⁸.

М. Хаген приводит любопытную деталь: в своем ответном письме в Дарэмский университет Мейендорф «с присущей ему корректностью отметил, что считает уместным, чтобы при внесении в списки награжденных его титул был пропущен, “если уж Латвийская республика не признает никаких дворянских титулов”»¹⁹.

По крайней мере до 1928 г. Мейендорф поддерживает переписку со своим троюродным братом, Георгием Васильевичем Чичериным, народным комиссаром иностранных дел. По словам исследователя, имевшего доступ к этим бумагам, Мейендорф обращался к Чичерину «“Милый” или “Дорогой” <...> [переписка] касалась политических <...> вопросов <...>. Данная переписка, которую очень сложно расшифровать, заслуживает <...> пристального изучения»²⁰. Уже после смерти Мейендорфа, в 1971 г. сын П.Г. Виноградова Игорь опубликовал исключительно любопытные воспоминания Мейендорфа о Чичерине²¹.

В 1934 г. Мейендорф вышел в отставку, с пенсией от Школы экономики, после чего на несколько лет переехал с женой в имение Монрепо под Выборгом в Финляндии²². М. Хаген пишет, что Мейендорф «арендовал небольшое поместье на окраине города, маленький дворец “Монрепо” графа Палена»²³. Иная версия появилась более чем за десять лет до исследования Хагена — в книге воспоминаний великого английского историка Арнольда Тойнби: «Мейендорфы решили, вскладчину с другими русскими эмигрантами, купить виллу на морском побережье Финляндии, на Карельском перешейке. То был само собой разумеющийся выбор, поскольку места эти были хорошо знакомы людям, принимавшим участие в общественной жизни дореволюционной России. В дореволюционную эпоху, когда Финляндия была связана с Российской империей, южная сторона Карельского перешейка была фактически частью загородных окрестностей Санкт-Петербурга.

Итак, следуя задуманному плану, Мейендорф и его друзья со всем имуществом перебрались из Англии в Карелию. Но не успели они обосноваться на своей вилле, как настала так называемая Мюнхенская Неделя — произошло подписание Мюнхенского соглашения. Неделя закончилась, и вместе с ней закончилось безмятежное существование Мейендорфов. Барон объявил своим сотоварищам, что они с женой вновь переезжают в Англию. Но почему, с какой стати? А потому, что вывод Мейендорфа в связи с событиями Мюнхенской Недели был таков: отныне жить на Карельском перешейке опасно.

“Господи, ты сошел с ума! — возражали ему друзья. — То, что произошло в Мюнхене, означает, что Британия скоро вступит в войну с Германией. Зачем возвращаться в этот будущий район военных действий, когда тебе посчастливилось вовремя переехать в нейтральную страну?” Мейендорф был непоколебим, его не убеждали эти, казалось бы, разумные доводы. Они с женой вернулись в Англию, а их друзья остались на месте. Не прошло и года, как те убедились в справедливости его предвидения и пожалели, что не последовали его примеру. Когда Советский Союз напал на Финляндию, именно Карельский перешеек стал зоной военных действий, и непредусмотрительным друзьям Мейендорфов пришлось спешно эвакуироваться»²⁴.

Мейендорф со своей второй женой²⁵ действительно жил в 1935—1939 гг. в имении Монрепо под Выборгом, занимая несколько комнат в Библиотечном флигеле усадебного комплекса. Однако едва ли можно говорить об «аренде поместья» Монрепо, поскольку в Монрепо в этот же период жили владельцы имения, а также потому, что эти владельцы были родственниками Мейендорфов²⁶: Мейендорф приходился троюродным братом владелице Монрепо баронессе Марии Александрине Николаи (1856—1942) и ее сестре, графине Софии Луизе Татьяне фон дер Пален (урожд. Николаи) (1862—1943)²⁷. Мейендорф стал крестным отцом ее внука, графа Петера фон дер Палена (р. 1936), сына графа Николаса Петера Константина фон дер Палена (1896—1963)²⁸.

Годы, проведенные в Монрепо, были насыщены для Мейендорфа разнообразной деятельностью: он «продолжал работу над научными проектами, помимо этого он также часто давал о себе знать многочисленными газетными статьями, меморандумами и заявлениями; в его <...> архиве можно найти, между прочим, докладную записку о голоде, царившем в России вследствие насильственной коллективизации, письмо по адресу Союза британских писателей с просьбой о публикации мемуаров его родственника, бежавшего из России и оказавшегося без средств к существованию, не говоря уже о бесчисленных черновиках писем и полученных ответов. <...> Например, Мейендорф вел переписку с профессором Отто Хетцшем (Otto Hoetzsch) в Берлине и пытался через этот и другие контакты выйти на след личных бумаг Столыпина, которые ему были нужны для <...> биографии [Столыпина], написать которую его побуждал Хетцш»²⁹.

Мейендорф участвовал и в общественной жизни русской колонии Выборга. Так, например, сохранились сведения о прочитанной Мей-

ендорфом в зале Русского лицея публичной лекции «Взгляд на Россию в Западной Европе («Русская опасность»)» в ноябре 1935 г.³⁰

Жизнь в Монрепо сделала возможным для Мейендорфа знакомство и с богатейшим семейным архивом баронов Николаи. Одним из результатов этого стала публикация в 1934 г. отрывка из воспоминаний Л.Г. Николаи о Ж.-Ж. Руссо³¹. Также есть свидетельство выдающегося историка литературы Г.П. Струве о том, что по его просьбе Мейендорф искал в семейном архиве Николаи переписку Николаи и Воронцовых (и их английских потомков)³².

В 1939 г. Мейендорф вернулся в Англию, где и провел остаток своей жизни. В годы Второй мировой войны «[м]естом прибежища в очередной раз стал Лондон, а позднее небольшой городок в графстве Суррей. Мейендорф снова стал искать какую-либо деятельность <...> Он преподавал в лагерях немецких военнопленных, участвовал в попытках организовать переселение балтийских немцев»³³. В 1946 г. умерла вторая жена Мейендорфа; последние годы жизни он провел в эмигрантском доме для престарелых в Лондоне. Он умер в Лондоне 20 февраля 1964 г., незадолго до своего 96-летия.

В последние годы жизни у Мейендорфа были серьезные проблемы со здоровьем, но он по-прежнему сохранял интерес к происходящему в мире. Сохранились свидетельства встреч с Мейендорфом историков-русистов³⁴. Многим очевидцам запомнилось событие 1960 г., когда Мейендорф присутствовал на выступлении К. Федина и А. Твардовского в лондонском «Пушкинском клубе» (Pushkin Club)³⁵. Х. Рапп приводит характерную запись Мейендорфа, сделанную им в 87-летнем возрасте 15 апреля 1956 г. на авторском экземпляре его книги «Предпосылки русской революции»: «Могу ли я считать своей удачей, что дожил до момента, когда стал свидетелем своего рода апокалипсиса: Сталин осужден его собственной партией³⁶ и доказано, что Ленин брал немецкие деньги?»³⁷.

Архив Мейендорфа ныне хранится в Петербурге, Лондоне, Марбурге и Хельсинки; его тщательное изучение — работа, которая, будем надеяться, сделает возможным создание целостного жизнеописания этой многогранной личности.

1. См., напр.: Hagen M. Zwischen Nationalitäten und Fraktionen — Alexander Baron Meyendorff (1869–1964) // Zeitschrift für Ostforschung. 1978. Jahrgang 27. S. 588–615., Андреева Н.С. Политик А.Ф. Мейендорф // Немцы в России. Петербургские немцы. СПб., 1999. С. 225–232; Чичерина Н.Д. Из

истории рода Мейендорфов // Немцы в государственности России / Сост. и ред. Н.И. Иванова. СПб., 2004. С. 103–107.

2. Хелен Рапп пишет о Мейендорфе как о человеке, чей «жизненный опыт включал знакомство с Листом, лордом Темплвудом, Албертом Мэнсбриджем, Р.Х. Тауни, Сидни и Беатрис Уэббами, лордом Бевериджем» (Rapp H. A.F. Meyendorff (1869–1964) [Obituary] // Slavonic and East European Review. Vol. 42. No. 99 (1963–1964). P. 440).

3. См.: Андреева Н.С. Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX века. СПб., 2008.

4. Курс на ограничение автономии Финляндии был провозглашен П.А. Столыпиным, двоюродным братом Мейендорфа. См. также замечание М. Одинцова: «[Мейендорф] знал обстановку в Великом княжестве, сочувствовал и стремился защищать интересы ее жителей, в том числе и в вопросах свободы вероисповедания. Из-за такой позиции он находился под постоянным наблюдением Санкт-Петербургского охранного отделения, в записках которого именовался не иначе как “противником русского государства”» (Одинцов М. Премьер Столыпин и Армия спасения // НГ-Религии. 2009. 18 февр.). Защита интересов Финляндии привела к тому, что, прибыв в Англию в 1919 г., Мейендорф был принят Танкредом Борениусом «с распростертыми объятиями» (Rapp H. A.F. Meyendorff... P. 440).

5. Казнина О.А. Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М., 1997. С. 43–44.

6. Комитет насчитывал 98 членов, среди них Н.В. Чайковский, Т.П. Карсавина, П.Б. Струве, А.В. Тыркова (Казнина О.А. Русские в Англии... С. 34).

7. Hagen M. Zwischen Nationalitäten... S. 598.

8. Неудачей закончилась попытка получить кафедру в Бирмингемском университете, несмотря на то что за кандидатуру Мейендорфа ходатайствовали бывший британский посланник Николсон (впоследствии лорд Кэрнок) и П.Н. Милоков (Hagen M. Zwischen Nationalitäten... S. 607); здесь и далее цитаты из М. Хагена — в переводе с нем. А. Камкина).

9. Отметим, что Мирский и Мейендорф приходились друг другу дальними свойственниками. Мать Мирского — Екатерина Алексеевна Святополк-Мирская (1864–1926, урожденная гр. Бобринская) — троюродная сестра Елены Павловны Бобринской (1857–?), первой жены Михаила Феликсовича Мейендорфа, брата А.Ф. Мейендорфа (1861–1941).

10. См.: Smith G.S. D.S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. Oxford, 2000. Вклейка между р. 206 и 207.

11. Smith G.S. The Correspondence of D.S. Mirsky and Michael Florinsky, 1925–32 // Slavonic and East European Review. Vol. 72 No. 1(1994). См. напр., письмо от 6 декабря 1926 г.: «Барона недавно свалил автомобиль, после чего, он говорит, у него стали появляться идеи. Идеи эти его очень занимают, но

вообще он очень печален, и все думает о том, как его скоро будут увольнять за предельный возраст» (Р. 129).

12. Манфред Хаген добавляет, что, несмотря на получение латвийского гражданства, «скорее всего, Мейендорф не предпринимал серьезных попыток самостоятельно управлять “остатками поместья” Кляйн-Рооп» в Латвии (Hagen M. Zwischen Nationalitäten... S. 608). Поместье Кляйн-Рооп (Klein-Roop) находится в Мазстраупе (Mazstraupe, Латвия, Цесисский район).

13. Hagen M. Zwischen Nationalitäten... S. 608.

14. Meyendorff A. The background of the Russian revolution. N.Y., 1929. (Brown university, The Colver lectures, 1928). xix, 193 p. Дж. Смит характеризует этот труд как «книгу с богатым справочным аппаратом, к сожалению, полностью забытую» (Smith G.S. D.S. Mirsky... P. 335). Здесь и далее — пер. с англ. автора.

15. Stanislas Kohn and Baron Alexander F. Meyendorff. The Cost of the War to Russia. Published for the Carnegie Endowment for International Peace by the Yale University Press, New Haven, 1932, XV.

16. «Общество организовывало гастроли в Англии российских деятелей театрального, оперного и балетного искусства, экспозиции и выставки, проводило Дни русской культуры, концерты, вечера, благотворительные акции, спортивные соревнования, утренники для детей. Информацию о[бо] всех этих мероприятиях регулярно публиковал “Лондонский справочный листок”» (Ульянкина Т.И. Опыт изгнания: русские ученые в Великобритании в 1917–1940 гг. // Русский Мирь. 2000. № 1 (<http://ricolor.org/europe/britania/vr/rus/2/>).

17. Вместе с генерал-лейтенантом Харолдом Беном Фокусом (Lt-Gen Harold Ben Fawcus).

18. Durham University Journal. Vol. XXVII No.1 (December 1930). P. 2–3. Я благодарю М.М.Н. Стэнсфилда (Dr. M.M.N. Stansfield, Archives and Special Collections, Durham University Library) за предоставленные сведения и материалы и разрешение использовать их в настоящем сообщении.

19. Hagen M. Zwischen Nationalitäten... S. 608.

20. Ibid. S. 60.

21. Baron Alexander Meyendorff. My Cousin, Foreign Commissar Chicherin // Russian Review. Vol. 30. No. 2 (Apr. 1971). P. 173–178. Текст воспоминаний, написанных в 1954 г., предназначался для радиопередачи ВВС, но не звучал в эфире.

22. В 1917–1940 и 1941–1944 гг. Выборг (Виипури) входил в состав независимой Финляндии, в 1940–1941 гг. и с 1944 г. — в составе Советского Союза.

23. В этот период владелицей Монрепо была Мария Александрина Николаи; в собственность ее племянника Николаса фон дер Палена имение перешло в 1942 г., после ее смерти (Hagen M. Zwischen Nationalitäten... S. 609).

24. Toynbee A. Acquaintances. Oxford, 1967.

25. Варвара Михайловна Мейендорф, фон, баронесса (урожденная княжна Шервашидзе, 1851–1946) — с 1907 г. жена А.Ф. Мейендорфа.

26. Семейные фотографии фон дер Паленов / Николаи с четой Мейендорфов репродуцированы в: Ефимов М.В., Мошник Ю.И. Парк Монрепо в XX в.: Страницы истории. СПб., 2010. С. 61, 69.

27. Мать Софии Луизы Татьяны фон дер Пален — баронесса Софии Элизабет фон Николаи (1935–1910), урожденная баронесса Мейендорф.

28. Мейендорф также занимался математикой и английским языком с двоюродным братом Петера фон дер Палена, Эдвардом Вулли (Edward Woolley, род. 1928), которые проводил летние месяцы с родителями в Монрепо в 1930-е годы (Частное сообщение от Э. Вулли).

29. Hagen M. Zwischen Nationalitäten... S. 609, прим. 69.

30. Хроника литературной жизни русского зарубежья: Финляндия (1918–1938) / Сост. Э. Хямляйнен, Ю.А. Азаров // Литературоведческий журнал. Секция языка и литературы РАН. Институт научной информации по общественным наукам РАН. 2006. № 20. С. 271–319.

31. Meyendorff A. L.H. Nicolay (1737–1820) on J.J. Rousseau // *Politica*. 1934. I (February). P. 83–89.

32. Struve G. An Anglo-Russian Medley: Woronzows, Pembrokes, Nicolaÿs, and others. Unpublished Letters and Historical Notes // *California Slavic Studies*. Vol. V. Eds. Nicholas V. Riasanovsky, Gleb Struve. Berkeley; Los Angeles; London, 1970. P. 120. Отметим, что данная работа Струве посвящена «памяти барона Александра Ф. Мейендорфа» (Р. 93), с которым Г. Струве был знаком с 1930-х годов по работе в Лондонском университете.

33. Hagen M. Zwischen Nationalitäten... S. 609

34. Материалы бесед с Мейендорфом вошли в состав книги американского историка Джорджа Токмакоффа, посвященной автором памяти Мейендорфа. См.: Tokmakoff G.P. A. Stolypin and the Third Duma: An Appraisal of the Three Major Issues. Washington, D.C., 1981.

35. Сообщение Дж. Саттона (Jonathan Sutton, University of Leeds); <http://www.pushkiniana.org/news-01.html>.

36. 25 февраля 1956 г. Н.С. Хрушев сделал в Москве секретный доклад перед делегатами XX съезда КПСС, в котором осудил «культ личности» Сталина.

37. Rapp H. A.F. Meyendorff... P. 442.